

В. В. КАЛАШНИКОВ

Некоторые мысли о М. С. Горбачеве как о политике

Общая оценка деятельности. Если вспомнить В. С. Черномырдина с его незабываемыми фразами, то можно сказать так: «Горбачев хотел, как лучше, а получилось как всегда». Впрочем, вторую часть фразы следует поправить: получилось много хуже, чем «как всегда». Потеряв контроль над процессами, которые были начаты по его инициативе, Горбачев не использовал все возможности, которые были у него как президента СССР, уступил инициативу и власть Б. Н. Ельцину, который разрушил КПСС, СССР и советскую социалистическую систему. В критической ситуации Горбачев проявил себя как слабая личность, не готовая пойти на решительные шаги. Наиболее драматичный пример — это отказ от ареста трех «беловежских зубров», которые грубо нарушили Конституцию и законы СССР и трех союзных республик, заявив о прекращении существования СССР в декабре 1991 г.

О целях Горбачева. Насколько я знаю, Горбачев действительно хотел «как лучше» и думал о создании более совершенной модели социализма, а не о «заговоре» с целью реставрации капитализма. Все обвинения Горбачева в таком заговоре базируются на фальшивых цитатах из «признаний», якобы где-то и когда-то им сделанным, а также на отождествлении его позиции с позицией А. Н. Яковлева, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС и идеолога эпохи «перестройки». Тот действительно утверждал, что заранее планировал разрушение советской социалистической системы: «говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идёт».

Однако и у Яковлева эти утверждения носили во многом конъюнктурный характер. Он стремился приписать себе заслугу в сломе системы тогда, когда она уже была сломлена: не им, но не без его помощи. В более аккуратном варианте Яковлев определял свою задачу как попытку «сломать тоталитарную коммунистическую партию»,

а не социализм. Однако в идейном плане Яковлев в последние годы «перестройки» склонялся к принятию социал-демократической доктрины, которая допускала не просто разнообразие, но и приоритет частной собственности в экономике. Он пытался влиять в этом направлении на Горбачева на ранних этапах работы по созданию новой Программы КПСС¹. После XXVIII Съезда КПСС влияние Яковлева на разработку новой Программы было сведено к нулю, а сам Горбачев таких установок рабочей группе никогда не давал.

Автор этих строк был членом Программной комиссии, созданной съездом, и участвовал в обсуждении всех вариантов проекта новой Программы КПСС, а летом 1991 г. входил в ту узкую рабочую группу (А. Я. Дегтярев, В. В. Калашников, В. В. Рябов², которая редактировала последний вариант. Проект был опубликован 8 августа 1991 г. для обсуждения и подготовки партийного съезда, намеченного на октябрь. Могу утверждать, что летом 1991 г. ни Горбачев, ни кто-либо другой из лидеров партии даже намеком не предлагал разработчикам включить положения, которые бы означали отступление от принципов социализма. Речь шла о создании модели многоукладного рыночного социализма при сохранении командных высот в экономике в руках социалистического государства.

В то же время, следует отметить, что в ближайшем окружении Горбачева были люди помимо Яковлева, которые склонялись к социал-демократической модели и размышляли на тему о том, что КПСС должна разделиться на две части: «догматиков» и «перестройщиков», и последние примут программу социал-демократического характера. Мне трудно сказать насколько Горбачев прислушивался к тем, кто подталкивал его к расколу с «консерваторами», но, вероятно, он не исключал такого хода событий, поскольку боялся, что на очередном съезде делегаты не переизберут его на пост генсека. Опасность раскола партии действительно стала очень острой на Апрельском (1991) Пленуме ЦК КПСС. Возник момент, когда Горбачев, не выдержав критики в свой адрес, объявил об уходе с поста генсека. Если бы большинство членов ЦК приняло его отставку и в нарушение Устава избрало бы нового генсека, раскол был бы неизбежным. Однако в этот критический момент и сам Горбачев, и та группа секретарей обкомов, которая стояла за массовой критикой в адрес генсека, пришли к выводу о том, что раскол КПСС резко ослабит позиции коммунистов всех течений, а главное — ускорит развал СССР. В тот момент только единая КПСС удерживала СССР от распада и в принципе имела все шансы (до злополучной акции ГКЧП) сохранить союзное государство, включая его славянское ядро. Июльский Пленум ЦК показал готовность оппонентов в составе ЦК к компромиссу.

По моим наблюдениям Горбачев, уезжая в Форос, все же верил в возможность запустить процесс подписания нового Союзного договора и выиграть борьбу на октябрьском съезде КПСС на основе представленного проекта новой программы КПСС. Последние указания, которые я получал от генсека перед введением ГКЧП, были требованиями активной пропаганды проекта Программы — Программы обновленного демократического социализма.

Интеллектуальный потенциал. Прямо скажу, что до личных встреч с Горбачевым я не очень высоко оценивал его интеллектуальный потенциал. Его манера говорить, кое-какие словечки в лексиконе, выдавали в нем в общем-то не очень хорошо образованного человека. Хотя в сравнении с Брежневым, Горбачев был человеком иного культурного уровня. В то же время Андропов, пожалуй, превосходил Горбачева по интеллекту и уровню образования и культуры. Мои первые встречи с Горбачевым произошли в период работы XXVIII съезда КПСС, когда автор этих строк, избранный делегатом съезда, был включен в комиссию по разработке нового Устава КПСС. Комиссия была большой — около полусотни членов, но после пленарного заседания реальная работа проводилась в маленькой рабочей группе, которая была собрана А. И. Лукьяновым по поручению Горбачева с очевидной задачей внести минимальные поправки и в целом одобрить и вынести на съезд тот проект нового Устава, который был подготовлен в недрах ЦК до съезда при решающем участии Лукьянова и Горбачева. Однако этот план был сорван. Ряд членов Комиссии по Уставу, представлявших авторитетные партийные делегации, хотели радикальных изменений, смысл которых можно выразить одной фразой: партийные органы всех уровней должны на деле избираться снизу, а не формироваться сверху. Мотивы понятны: партия устала от «умирающих генсеков» эпохи Брежнева. Неспособность ЦК вовремя поменять генсека ярко отражала слабость внутрипартийной демократии на всех уровнях. Эта ситуация подрывала авторитет партии, не позволяла ей удержать политическое лидерство в обществе в условиях демократизации. Ленинградская областная конференция КПСС, собравшаяся накануне XXVIII съезда КПСС, приняла четкий перечень предложений в новый Устав, и поручила делегатам партийного съезда от Ленинграда обеспечить их принятие. Моя задача состояла в том, чтобы озвучить и защищать эти предложения в ходе работы комиссии по Уставу. По окончании работы партийного съезда было решено провести второй этап областной партконференции, где делегаты партсъезда должны были отчитаться в том, как они исполнили поставленные перед ними задачи. Выполняя данное поручение, я начал при обсуждении каждого пункта Устава предлагать формулировки, ко-

торые не совпадали с теми, что озвучивал Лукьянов. В вежливой форме он попросил сотрудников из аппарата ЦК объяснить мне мои «ошибки», но меня поддержал секретарь парткома МГУ И. И. Мельников³, а также секретарь парткома КамАЗа В. А. Вылегжанин, которые привезли с собой похожие требования своих организаций. Фактически это и следующее заседания свелись к тому, что многие формулировки проекта, предложенного ЦК, были отвергнуты рабочей группой. Лукьянов доложил Горбачеву, и теперь рабочая группа несколько дней искала взаимоприемлемые компромиссы. Обычно работа шла вечерами, и поздно вечером приходил Горбачев и смотрел, что у нас получалось. Что-то им принималось, что-то откладывалось на доработку. И с каждым разом он уступал нам все больше и больше, что отражало ту обстановку, которая сложилась на съезде, где многие делегаты не скрывали своего недовольства практикой внутрипартийной жизни. И в ходе работы с Горбачевым я с удивлением обнаружил, что он очень быстро схватывает суть наших разногласий с Лукьяновым и предлагает свои более гибкие варианты норм Устава, хорошо представляя себе работу партийной машины на всех уровнях и тех последствий, которое могло вызвать каждое слово, внесенное в Устав. По окончанию работы над Уставом он обычно пил какой-то витаминный коктейль и расслаблялся, излагал свои впечатления о ходе съезда, проверял наши реакции на различные моменты съездовской борьбы, легко и точно оппонировал, если мы давали к этому повод. Иными словами, простаком он явно не был и обладал большим политическим опытом. Впоследствии я в этом не раз убеждался и в итоге пришел к выводу, что Ельцин переиграл Горбачева именно потому, что в критические моменты «рубил с плеча», не отдавая себе отчета о возможных последствиях, а Горбачев, видя эти последствия, колебался и проявлял нерешительность. Горбачев был умнее Ельцина, и в кризисных ситуациях именно поэтому ему проигрывал. 1991-й год был эпохой кризисов.

Харизма. Как бы сейчас не ругали Горбачева люди, глубоко пережившие трагедию утраты социализма и союзного государства, нельзя отрицать, что Горбачев как политик обладал харизмой. Она особенно ярко чувствовалась в первые годы «перестройки», когда страна с радостью увидела нового молодого и энергичного лидера. Я помню восторженную встречу в Ленинграде, когда он вышел на площадь у Московского вокзала и был немедленно окружен большой толпой горожан. Все желали ему успехов в избранном курсе обновления страны. Со временем восторги поутихли, но те, кто близко общался с ним и в 1989, и в 1990 г. находились под влиянием его харизмы. Во многом это была уже харизма власти. Созданное веками чувство «наивного монархизма» сохранилось

в русском народе, да и у других народов СССР, и оно проявлялось и по отношению к Горбачеву. Я наблюдал за реакцией многих людей в период работы XXVIII съезда КПСС, на Пленумах ЦК, различных совещаниях и т. п. В ходе общения большинство людей были в явном или скрытом восторге от возможности постоять рядом и тем более перекинуться одной-двумя фразами с лидером партии и Президентом СССР. Многие из его оппонентов и даже резких критиков при личных встречах вели себя подобострастно и были готовы уступить. Все резко поменялось после провала ГКЧП. Вернувшись в Москву из Фороса, Горбачев делал одну уступку Ельцину за другой и харизматичным лидером уже не был. Его странное и ничем не оправданное согласие на разгром ЦК и обкомов КПСС по всей стране, юридически незаконное, моментально лишило его поддержки всех тех, кто поддерживал курс «перестройки» и верил в ее инициатора. Нельзя отрицать правоту тех, кто оценил эти действия президента СССР как предательство. Их можно объяснить тем, что Горбачев был психологически сломлен акцией ГКЧП и натиском Ельцина, но объяснить — не значит оправдать. Слабость можно простить обычному человеку, но не вождю.

Главная ошибка — не учел важности национального вопроса и опасности обострения национальных проблем в условиях гласности. Горбачев начал кампанию гласности с тем, чтобы обновить кадры на местах. А на деле в условиях гласности во всех республиках разные силы и в разных целях стали использовать национальную карту: вспоминать прежние обиды и решать нерешенные (зачастую неразрешимые) проблемы. А это порождало кровь.

В Нагорном Карабахе она пролилась уже в 1988 г. В апреле 1989 г. она пролилась в Грузии, потому что абхазы захотели независимости от Грузии, а грузинские националисты использовали шаг абхазов для провоцирования кровавого столкновения в Тбилиси. Потом прибалты заговорили о своем суверенитете. События на окраинах подготовили почву для «демороссов» в России, которые использовали авторитет Ельцина для принятия декларации о российском суверенитете, согласно которой законы России ставились выше союзных. Механизм распада был запущен. Остановить его можно было только жесткими мерами. Горбачев как политик к этому был не готов. Все остальные проблемы, несмотря на их важность и сложность, имели решения.

